

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF MILITARY MANAGEMENT

DOI: 10.25629/RMPJ.2024.04.04

УДК 355.13

ВЛИЯНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ НА БОЕВЫЕ СТРЕССОРЫ И
ПСИХИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ УЧАСТНИКОВ СВО

Малюченко Г.Н.

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Аннотация

В статье предпринята попытка системного анализа и расширенного рассмотрения целого ряда боевых стрессоров, возникающих в результате применения новых военных технологий. Проводятся причинно-следственные и функциональные связи между рассмотренными боевыми стрессорами и порождаемыми ими психическими состояниями, включая приспособительное и защитное поведение, разнообразные эмоциональные и аффективные реакции у участников СВО. Рассмотрены показательные примеры приспособительных поведенческих реакций на некоторые боевые стрессоры, порождаемые новыми военными технологиями. В предложенном системном ракурсе проведён анализ многочисленных случаев из военной практики, дающих основания для дополнения известной триады защитных реакций «бей-замри-беги» еще одним вариантом приспособительного поведения, применяемым в условиях боевых действий, который получил условное название – «запутай». Кратко раскрываются индивидуально-психологические свойства и способности участников боевых действий, необходимые для продуктивного поиска новых способов приспособительного поведения и средств снижения смертельных угроз в условиях современной войны. В заключение предлагается рассмотреть вопрос о том, можно ли интегрировать сформированные в зоне боевых действий автоматические реакции психики с сознательными выборами стратегий адаптивного поведения при возвращении в гражданское общество.

Ключевые слова

боевые стрессоры, психоэмоциональные состояния, боевой стресс, тревога, панические атаки, приспособительные психологические реакции, вариативное поведение

Об авторе

Малюченко Геннадий Николаевич,
доцент кафедры общей и
консультативной психологии
Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского,
AuthorID: 682782, mgn1802@yandex.ru

Специальная военная операция (далее СВО), развёрнутая в ответ на скрытую экспансию НАТО на территории Украины, по ряду ключевых параметров, существенно отличается от военных операций прежних времён. Как указывает в своих публикациях ведущий отечественный

исследователь А.Г. Караяни, в новейшей истории России СВО стала самым масштабным и ожесточённым военным событием после Второй мировой войны (Караяни, 2024). От научного сообщества требуется как можно скорее начать проведение систематического анализа всех социальных и психологических феноменов, возникших в ходе СВО. Однако, этот анализ не должен ограничиваться рассуждениями о вероятных психологических последствиях СВО для её прямых и косвенных участников, что, к сожалению, типично для большей части публикаций последних лет. От исследователей требуется конструктивная научная позиция, позволяющая с разумной долей позитивной коннотации выделять и рассматривать наиболее важные психологические явления, психические состояния и качественные изменения в личностном развитии участников СВО, пребывающих из зоны боевых действий.

Как отмечают отечественные исследователи в области военной психологии, изменения, характеризующие ход СВО (в сравнении военными кампаниями последней четверти XX века), затрагивают не только военную стратегию и тактику ведения боёв, но и психоэмоциональные реакции их участников (Караяни, 2023, Решетников, 2023). О существенных изменениях в зоне боевых действий свидетельствуют и те, кто задолго до СВО принимал участие в военных операциях на территории Афганистана и Чеченской республики. Вполне обоснованно ожидать, что в ближайшие годы в отечественной науке сформируется некий «свежий взгляд» на новые военно-психологические феномены, включая психические состояния, возникающие под влиянием военно-технических инноваций, проявленных в ходе СВО.

Внедрённые в последние годы, военно-технические инновации, повлекли за собой не только расширение возможностей эффективного проведения боевых операций, но и риски возрастания психического напряжения у участников боевых действий. Как показывают данные самонаблюдений и устных отчётов солдат и офицеров, каждая используемая ими военная технология, неизбежно провоцирует у них, с одной стороны – боевой азарт, а с другой – дополнительное психическое напряжение. Это напряжение связано с предельно высокой концентрацией внимания, с необходимостью максимального расширения памяти, ускорения мышления и т.д. Иными словами, процесс наращивания военных технологий в подавляющем большинстве случаев ведёт к возрастанию рисков боевого стресса. Как следствие, в рамках современных научных исследований, должен быть рассмотрен вопрос о расширенной классификации боевых стрессоров и порождаемых ими психоэмоциональных состояний. Не случайно, в настоящее время в работах некоторых отечественных учёных уже начинают появляться новые ракурсы во взглядах на патопсихологические феномены, возникающие у комбатантов в ходе СВО (Масляков, 2023).

В определённом смысле, каждая внедрённая военно-техническая инновация становится в зоне боевых действий источником боевого стресса (дисстресса). Так как функциональная нагрузка на все уровни нервной системы военнослужащих за последнюю четверть века заметно возросла (Кубасов, 2015), это предполагает необходимость более расширенного анализа их психофизиологических и эмоциональных реакций на боевые стрессоры. Однако, поскольку в последние годы не внесено каких-либо значимых изменений в перечень боевых стрессоров, ниже будет предпринята попытка выделения новых видов боевых стрессоров и рассмотрения порождаемых ими психических феноменов. Допуская отсутствие чётко выверенного основания и фрагментарность предложенной ниже классификации, следует заметить, что это связано с нехваткой как теоретических, так и эмпирических изысканий по данной теме. По сути, ниже представлена попытка первого приближения к такого рода исследованиям.

Как показывает анализ научных публикаций и экспертных оценок (Малюченко, 2023), технологический прогресс последних лет внёс существенные коррективы в стратегию и тактику ведения боевых действий по таким направлениям, как:

- а) дистанционные технологии ведения боевых действий (БПЛА, FPV и др.);
- б) технологии радиоэлектронной борьбы с боевыми средствами противника;
- в) технологии спутниковой навигации и контроля за передвижением целей;
- г) дистанционно управляемые и автономные боевые роботы (на базе ИИ);

- д) технологии ведения плотного контактного боя, в т. ч. в условиях города;
- е) технические средства боевой экипировки и усиления индивидуальной защиты.

Как следствие, произошли заметные сдвиги в плане нарастания в зоне боевых действий роли и значения шести типов соответствующих боевых стрессоров:

- а) стрессоры, связанные с нарастанием угроз, исходящих от дистанционных средств ведения боевых действий: возникает страх их внезапного появления, растерянность от их способности преследовать и настигать цели;
- б) стрессоры, порождаемые угрозами, вызванными применением средств радиоэлектронной борьбы: возникает страх «ослепления», чувство гнева и бессилия от потери оперативной связи или ориентации в воздушном пространстве и системе координат;
- в) стрессоры, порождаемые угрозами, связанными с применением технологий спутниковой навигации и контроля целей: возникает чувство тревоги от полной открытости и, как следствие, уязвимости при передвижении, а также постоянный страх обнаружения;
- г) стрессоры, порождаемые угрозами, исходящими от дистанционно управляемых и автоматизированных боевых роботов: возникает страх столкновения с супер-рациональным, супер-скоростным ИИ и полное непонимание того, что и как ему можно противопоставить;
- д) стрессоры, порождаемые угрозами, возникающими в условиях ближнего контактного боя, особенно часто применяемого в городской среде: возникают состояние замешательства и паники от непредсказуемости боя и страх полной потери контроля над ситуацией;
- е) стрессоры, порождаемые психологическими эффектами, возникающими при применении новых средств боевой экипировки и индивидуальной защиты: возникающее перед первым боем ощущение собственной «крутости» и неуязвимости может резко сменяться чувством глубокого разочарования, страха и бессилия в бою вследствие резкой потери иллюзии защищённости. Следует отметить, что, данные психологические эффекты возникают только у молодых «необстрелянных» бойцов и исчезают по мере накопления боевого опыта.

Как видно из описаний каждой из 6-ти названных выше военно-технических инноваций, при определённых условиях (особенно: некомпетентность или замешательство командиров, наличие шпионов и предателей, вносящих хаос и панические настроения и пр.) они значительно расширяют спектр стрессовых реакций, оказывая тем самым значительное воздействие на психоэмоциональное состояние отдельных бойцов, а иногда и целых подразделений.

В ряде случаев сам процесс освоения и апробации военно-технических новшеств может порождать, возрастание у бойцов чувства неуверенности в себе или опасности, либо явно завышенную уверенность в своих силах. Конечно, во многом это зависит от таких факторов как личный опыт каждого участника боевых действий, его индивидуально-типологические свойства, уровень интеллекта, способность к контролю эмоциональной сферы и т.п. Однако, как показывает ряд исследований, для всех участников боевого противостояния верна следующая закономерность: чем выше общее число различных источников опасности (а значит – боевых стрессоров) присутствующих в той или иной ситуации, тем выше интенсивность возникающих психических реакций и шире спектр эмоциональных состояний, включая страхи, повышенную тревожность или панические атаки (Тарабрина, 2012). При этом, если в боевой зоне возникает (пусть даже временное) сокращение числа источников опасности до одного или двух (пусть даже таких значимых как артобстрел), быстро возрастает вероятность привыкания к ним, а значит и более гибкого, варибельного поведения бойцов. Гибкость и варибельность в данном аспекте означает появление активного поисково-приспособительного поведения и более широкого диапазона эмоционально-волевой саморегуляции для совладания со всеми стрессорами в зоне боевых действий.

Рассмотрим данную закономерность на примерах из военной практики. Как известно, FPV-дроны («дроны-комикадзе» и т.д.) внесли кардинальные изменения в современное поле боя. Их активное применение превращает каждое боестолкновение в подобие виртуальных игр, но с

реальной борьбой за выживание, где многое решает скорость передвижений, точность действий и автоматизм реакций. FPV-дроны выступают для участников боевых действий таким типом стрессоров, которые трудно контролировать вследствие их «пронируемости», внезапно-сти появления и «хирургической» точности огневого удара. Соответственно от бойцов требуется поддерживать постоянную бдительность, настороженность к любым внешним сигналам, готовность к быстрому и безошибочному реагированию на смертельные угрозы, что весьма сложно в условиях многодневных изматывающих боёв.

При этом надо особо отметить, что FPV-дроны не просто «юркие машинки», предназначенные для уничтожения живой силы. За ними, как правило, спрятаны весьма зоркие глаза оператора противника, способного оценивать:

- а) количество и качество используемых укрытий;
- б) примерное число живых, убитых и раненых бойцов;
- в) степень обученности, усталости, физической мобильности личного состава отдельных подразделений, а значит их общую боеспособность.

И поскольку вероятность такого рода осведомлённости противника очень высока она порождает дополнительную стрессогенность. Иными словами, FPV-дроны воспринимаются как очень опасные так как они создают для противника весьма ценные преимущества в тактике ведения боя. Они порождают принципиально новый тип боевого стресса из-за постоянной угрозы незаметного приближения и наблюдения за вами противника. Даже если они не могут по тем или иным причинам приблизиться к вам для проведения смертельной атаки, это не исключает для противника возможности оценивать ваше физическое состояние, направленность ваших действий, вашу готовность к оказанию сопротивления, боевым действиям и т.п. По сути, они создают угрозу оказаться «на ладони» у противника в режиме 24/7.

Однако, даже признавая все указанные выше риски, исходящие от FPV-дронов, следует чётко понимать, что на поле боя им противостоят «самые совершенные и самообучаемые системы», а именно – живые люди (штурмовики, снайперы, мотострелки и т.д.), которые способны порождать нестандартные решения! И, как показывает опыт проведения СВО, многие из них способны оперативно воплощать в жизнь весьма эффективные идеи, связанные с противодействием БПЛА: от применения гладкоствольных дробовиков с крупной картечью по низко летящим целям, до установки самодельных решетчатых экранов и сеток, позволяющих сохранять жизни или, как минимум, снижать силу ударов.

Как следствие, перед современной российской армией стоит важная задача: в массовом порядке готовить бойцов, способных быстро находить пути эффективного противодействия любым военным технологиям, в том числе посредством нейтрализации или снижения силы воздействия соответствующих им боевых стрессоров (Невенчаный и др., 2020).

Для более предметного понимания возникающих в последние годы сдвигов в поведении бойцов на поле боя, следует найти новый взгляд на широко известную в научном сообществе триаду инстинктивных реакций «бей-замри-беги». По мнению многих исследователей, данная триада является вполне релевантной для описания поведения человека во всех смертельно опасных ситуациях, включая ведение боевых действий (Тарабрина 2012). Однако, анализ приспособительных реакций российских военных в ходе СВО показывает, что около 15-20 % бойцов (как правило, самых адаптивных) стали часто демонстрировать некую новую форму реагирования на смертельные угрозы! Она находит выражение в разного рода военных уловках и хитростях. Например, они быстро поняли, что в ситуации внезапной атаки противника роем боевых дронов, такие реакции как встречный огонь («бей»), «замирание» или «бегство» являются абсолютно бесполезными и гибельными. Как следствие, в ходе СВО наши военные стали всё чаще применять приемы «парадоксальной защиты» от угроз, включая: создание ложных целей, лавирование и отвлечение FPV-дронов, стрельбу по ним через двойные бойницы в стенах т.п. Все эти способы позволяют так или иначе дезориентировать атакующие средства и силы противника, запутать его и заставить его ошибаться, пролетая мимо целей.

Иными словами, триада «бей–замри–беги» в ходе СВО была, по сути, дополнена четвертой формой, которую условно можно назвать «*запутай*». Это название лишь отчасти отражает описанную тенденцию адаптивного поведения бойцов, участвующих в СВО. Отметим, что эта тенденция возникла как прямой ответ на новые военные технологии, изменившие условия ведения боя. Таким образом, следует признать, что расширение технологических инноваций и, как следствие, общего числа боевых стрессоров, закономерно приводит к расширению спектра адаптивных реакций бойцов, которые быстро поняли, что в новых условиях пытаться *бить*, *замирать* или *бежать* невозможно, бессмысленно и глупо. И как следствие, за последние три года в тактику поведения бойцов на линии огня было внесено немало новшеств, связанных со стратегией «*запутай*». Вероятно, в дальнейшем, по мере анализа и обобщения успешного боевого опыта, наиболее яркие примеры применения данной стратегии найдут отражение в соответствующих пособиях по стратегии и тактике проведения штурмовых операций, организации огневого соприкосновения и т.п.

Для более полного понимания тех психологических качеств и умений современных бойцов, которые стали наиболее востребованными, а также путей их формирования, в будущем следует изучать ключевые условия и факторы, влияющие на адаптивность реакций бойцов в ходе ведения боевых действий. Как показывает анализ «стандартных вариаций» в реакциях комбатантов на боевые стрессоры, они, в первую очередь, зависят от их индивидуально-типологических характеристик. В условиях боевых действий слабой/средней интенсивности эти вариации проявляются в частоте чередования типичных защитных реакций, которые в целом вписываются в ранее упомянутую триаду «бей-замри-беги». Например, у многих новобранцев, в ходе их первого участия в прямых боестолкновениях в качестве типичных механизмов защитно-приспособительного поведения можно наблюдать либо *замирание (обездвиженность)*, либо *избыточную двигательную возбудимость*, либо вспышки *агрессивности, подавляющей страх*. В то время как у опытных бойцов в «стандартных» боевых ситуациях часто бывает проявлена поисковая активность и спонтанная креативность, возникающая в ответ на те или иные сложности в решении поставленных им боевых задач.

Как показывает анализ устных отчётов и сообщений опытных командиров и бойцов штурмовых и мотострелковых подразделений, на СВО от них требуется не только умение выдерживать длительные артобстрелы или танковую атаку, но и умение быстро включаться в поединки интеллектов, проявляя навыки сосредоточенности, хладнокровия и боевую смекалку. Ныне побеждает тот, кто успевает первым заметить цель, на секунды быстрее рассчитать её координаты и быстрее её уничтожить. Более успешным и живучим становится также тот, кто постоянно прогнозирует и распознаёт все хитрые тактики и уловки противника.

В данном ракурсе следует более пристально рассмотреть стереотипное мнение о том, что якобы на давно обстрелянных, опытных бойцов большая часть указанных выше боевых новшеств оказывает минимальное влияние. Опытные бойцы, как и все другие люди, имеют свои «пороги ощущений», свои интуитивные «индикаторы» смертельной опасности, свои страхи и иные «личные уязвимости». При этом, конечно, они быстрее адаптируются к ситуациям со стандартным числом источников угрозы, как например, регулярные прилёты крупнокалиберных снарядов. Однако, для снижения влияния дополнительных стрессоров, вызванных применением новых военных технологий, им часто приходится «прямо по ходу боя» разрабатывать некие «творческие» способы и средства снижения новых угроз. Следует также отметить, что далеко не всегда такие способы и средства становятся известны в других ротах, бригадах и т.д. Поэтому так важно оперативно о них узнавать, систематизировать и внедрять в подготовку бойцов, в общую практику ведения боевых действий.

Как было отмечено выше, под влиянием военно-технических инноваций происходят изменения не только в средствах огневого поражения противника, но и в средствах обеспечения индивидуальной защиты и общей экипировки бойцов, находящихся на линии огневого соприкосновения. Но даже опытные бойцы, при хронических стрессах и боевых психотравмах могут ими пренебрегать (Литвинцев, 2005). Не случайно, многие боевые командиры в последнее

время уделяют особое внимание вопросам защитной экипировки бойцов и просвещения личного состава знаниями о самых современных средствах и принципах защиты в бою.

В контексте обобщения опыта проведения СВО, следует отметить, что, в последние три года существенно корректируются не только в процессуальные, но и в структурные аспекты военных кампаний: быстро меняется порядок формирования и доукомплектования боевых подразделений, ускоряются процессы набора и технического обучения новобранцев. Вместе с тем, в последние годы выявилась такая проблема как низкая готовность и способность отдельных командиров к обучению личного состава всем военно-техническим новинкам, к постоянным конструктивным контактам с бойцами по возникающим вопросам, а иногда и явная отстранённость от них. Вполне вероятно, что это связано с эмоциональным выгоранием, возникающим в результате истощения адаптивных возможностей боевых офицеров, накопления у них хронических боевых стрессов – при редкой ротации подразделений наряду с высокой интенсивностью боевых действий (Кубасов и др., 2015).

По оценкам военных экспертов, непосредственно участвующих в боевых действиях, под влиянием военно-технических новшеств, выполнение боевых задач в ходе СВО, всё чаще строится на следующих принципах: а) тщательный сбор и анализ информации о составе и расположении боевых подразделений противника, их реальных атакующих возможностях и психоэмоциональном состоянии; б) скрытность подготовки и внезапность проведения боевых операций; в) применение тактики просачивания в тылы врага – в составе малочисленных мобильных групп; г) организация оперативной связи для эффективного огневого прикрытия наступающих сил. Однако, следует помнить, что эти же принципы реализуются противником, что повышает риски появления быстро нарастающей тревоги в ситуации неопределённости, при ожидании внезапной атаки и риски последующей дезорганизации.

Отдельного рассмотрения заслуживает такое психическое состояние как «боевой азарт», который часто подкрепляется военно-техническими инновациями и помогает преодолевать возникающие страхи. Как правило, боевой азарт возникает не сразу, а в 3-м или 4-м бою, при условии эффективного использования технических средств в огневом соприкосновении с противником. Заметим, что боевой азарт, обусловлен выработкой гормонов (адреналина и норадреналина и проч.), что значительно повышает среднюю продолжительность и глубину стрессовых реакций психики и всего организма. Но как всякое экстремальное состояние боевой азарт имеет как положительные, так и отрицательные последствия (Магомед-Эминов, 2006). Запуская процесс активной выработки гормонов, боевой азарт вызывает привыкание к ярким переживаниям. Не случайно, многие участники боевых действий возвращаются к условиям мирной жизни без особого желания: она воспринимается ими как «слишком пресная».

В качестве заключения, следует отметить, что индивидуально-типологические различия участников боевых действий в реакциях на боевые стрессоры имеют закономерную связь с вариативностью сценариев их возвращения к мирной жизни. Эти сценарии во многом вырастают из повторяющихся реакций человека на сложные ситуации в условиях войны, требующих мгновенной концентрации, быстрой мобилизации всех сил и т.п. Но возвращаясь в мирную жизнь, человек оказывается не готов к быстрой перестройке поведения в русло социальной реинтеграции и реадаптации. Как следствие ему требуется помощь в формировании позитивных сценариев «возвращения к миру», что становится возможным только при продолжительном психологическом сопровождении ветеранов боевых действий. Одним из инструментов его реализации может выступить разработанная автором методика СЛИР/БВ (Сопровождение личностных изменений реадaptантов – боевых ветеранов). Как известно, многие боевые ветераны испытывают кризис реадaptации переживая возвращение психических состояний, возникших под влиянием боевых стрессоров. Методика СЛИР/БВ способствует преодолению амбивалентного слияния непроизвольных психофизиологических реакций человека на смертельные угрозы (выработанные в боевой обстановке) с личностными выборами, которые требуется совершать в условиях гражданского общества и мирной жизни.

Литература

1. Караяни, А. Г. Поколение СВО – психологический актив созидания будущего России // Психологическая газета. 22.08.2024. URL: <https://psy.su/feed/12504>.
2. Караяни, А. Г. Психологические последствия участия военнослужащих в боевых действиях: проблемы прогнозирования и оценки // Юридическая психология. 2023. № 4. С. 27-31.
3. Кубасов? Р.В. Влияние экстремальных факторов военной службы на адаптационные возможности и здоровье сотрудников силовых ведомств России / Р.В. Кубасов, Ю.Е. Барачевский, Е.Н. Сибилева, А.М. Иванов, В.А. Сидоренко // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2015 № 2 (50). С. 217-223.
4. Литвинцев, С.В. Боевая психическая травма / С.В. Литвинцев, Е.В. Снедков, А.М. Резник. – М.: Медицина, 2005.
5. Магомед-Эминов М.Ш. Экстремальная психология. М., 2006. Т. 2. – 576 с.
6. Малюченко Г.Н. Проблемы и пути комплексной проработки последствий боевого стресса и боевых травм // Известия Саратовского университета. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 438-444.
7. Масляков, В.В. Динамика эмоционального состояния участников специальной военной операции после оказанной медико-психологической помощи в условиях вооруженного конфликта / В.В. Масляков, М.А. Полиданов, С.А. Сидельников, А.А. Кокарева // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2023. – Т. 12, № 9А. – С. 81-89.
8. Невенчаный С., Чергинцев С. Психологические состояния военнослужащих в условиях ведения боевых действий. пути формирования моральной готовности и психологической способности военнослужащих к боевым действиям // Армейский сборник. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/259955>.
9. Решетников, М.М. Необходимо дезавуировать истерику с возможным количеством ПТСР // Психологическая газета., 21.02.2023. URL: <https://psy.su/feed/11011>.
10. Тарабрина Н.В. Психологические последствия воздействия стрессоров высокой интенсивности: посттравматический стресс // Психологический журнал. 2012 Т. 33, № 6 С. 20–33.

INFLUENCE OF TECHNICAL INNOVATIONS ON COMBAT STRESSORS AND PSYCHIC REACTIONS OF PARTICIPANTS IN THE COMBAT

Malyuchenko G.N.

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

Abstract

In the article an attempt of system analysis and extended consideration of a number of combat stressors arising from the application of new military technologies is made. Causal and functional links between the considered combat stressors and the mental states generated by them, including adaptive and protective behavior, various emotional and affective reactions in the participants of combat stressors. Illustrative examples of adaptive behavioral reactions to some combat stressors generated by new military technologies are considered. The analysis of numerous cases from military practice, which give grounds for supplementing the known triad of protective reactions “bey-zamri-begi” with one more variant of adaptive behavior, applied in combat conditions, which is conditionally called “confuse”, is carried out in the proposed systemic perspective. The individual-psychological properties and abilities of participants of combat operations, necessary for productive search of new ways of adaptive behavior and means of reduction of lethal threats in conditions of modern war are

briefly revealed. In conclusion, it is suggested to consider the question of whether it is possible to integrate automatic reactions of the psyche formed in the combat zone with conscious choices of adaptive behavior strategies when returning to civil society.

Keywords

combat stressors, psychoemotional states, combat stress, anxiety, panic attacks, adaptive psychological reactions, variant behavior